Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://shukshinvasiliy.ru/ Приятного чтения!

Гена Пройдисвет. Василий Макарович Шукшин

Последнее время волосатый Генка работал массовиком-затейником в горном санатории. Отдыхающие удивлялись на него. Удивляли Генкины песни и шалопайство. Песни он сам сочинял и сам исполнял под гитару. Шалопайство… Вообще, это не шалопайство у Генки, а полная его – демонстративная – свобода, раскованность. Будучи этак раскованным, он и шарахался по жизни, как по загону сшибал столбики, ранился и злился.

Кто-то когда-то сказал Генке, что он самобытный композитор. Генка уверовал в это, и когда его песни не нравились, он мучился и в отчаянии мог выкинуть какую-нибудь шальную глупость.

Приехал в санаторий какой-то поэт; Генка, волнуясь, спел ему несколько песен. Поэт удивился.

– Ну и что? – спросил он. – О чем эти песни? Что вы хотите сказать ими?

Генка выпил в буфете стакан водки и вышел к бассейну, где в это время было много отдыхающих. И громко объявил:

– Вы!.. Сейчас то же самое, но в оригинальном исполнении.

Пошел к вышке, откуда желающие смельчаки прыгают в бассейн. Остервенело заколотил по струнам и запел:

Вот так номер,
Вот так так –
Это не по правилам:
Были, Были, –
Напылили,
А потом – пр-ропали!..
Не то это у него марш, не то под заборный жиганистый выверт – не поймешь сразу. Взошел Генка на вышку, стал на самый край доски и продолжал:

Я же помню этот бег –
Небо содрогалось,
Ваши гривы об зарю
Красную
Трепались.
"Сбацал" на краешке доски – пощелкал каблучками-носочками – и еще раз:

Ох, ваши гривы об зарю
Красную
Трепались!
Все с интересом смотрели на массовика-затейника. А он кричал с вышки и бил гитару:

Я же знаю
Мы хотели
Заарканить месяц.
Почему же он теперь,
Сволочь,
Светится?!
И Генка, в чем был, маханул с вышки в воду. Вынырнул, вылил из гитары воду и докричал, лежа на спине и играя:

Значит, снова промахнулись…
Пропади ты пропадом!
Ну-ка, снова,
В три креста!
Кони-лошади!..
Генка откашлялся, отплевался и сообщил: – "Навязчивый сон" называется!

Генку уволили.

Дома, в своей деревне, Генка появлялся обычно на короткое время – отдышаться, поправить финансовые дела. И тут наваливались на парня всей говорливой родней. Стыдили. Приводили примеры… Учили.

– Я все понимаю, – говорил Генка, – но мы, художники, – люди особого склада. Я бы мог, конечно, освоить профессию, скажем, животновода, но на мне тогда будет смертельный грех. Я людьми занимаюсь.

– Занялся бы тобой бичина хороший – вот было бы то, что требуется. Вот это не грех был бы.

– Тупо, неубедительно.

Пришел как-то дядя Генкин, дядя Гриша. Дядя Гриша недавно поверил в бога и ходил теперь отрешенный, тихий, кротко и снисходительно смотрел на житейские дела. Эта кротость обозлила Генку.

– Ты вроде как даже гордишься, что такой смирный, – сказал он.

– Не горжусь, а суетню всякую понимаю, – смиренно ответствовал новообращенный. – Все суета, Геннадий.

– Ну, это уж вы как-то… совсем просто: "Все суета" – и баста.

– Все суета! – убежденно твердил дядя Гриша.

– Смерть – суета? Любовь – суета?

– Мы здесь – гости. Поживем – и пойдем отчитываться за наши дела. Ты задумайся, Геннадий, задумайся: за все придется отвечать. Безобразно живешь. Вино пьешь неумеренно, куришь, с девками блудишь… А ведь все учитывается! Мы, как киноаппараты: живем, а на кинопленку все снимается, все снимается… Как поступил, как подумал, где проть совести пошел – все снимается. И вот ты умираешь, киноаппарат этот – тело твое – хоронют, а пленку берут и проявляют: смотрют, как ты жил… Вот.

– Хм… Ну-ка, еще что-нибудь, интересно. Поверить я, к сожалению, не смогу, но вообще это интересно. Даже технику стали использовать, надо же.

– Поверить вы, знамо, не сможете. Ну!.. – дядя Гриша чего-то вдруг сердито оживился. – Вам же чудо нужно, чудо! Вот пускай небо раскроется, пускай я увижу знамение какое-нибудь – крест огненный, – тогда я поверю! Ах ты господи!.. – где-то, видно, настойчиво требовали этих знамений, и те, кто обращал дядю Гришу к вере, были, наверно, очень недовольны этим тупым требованием, и это недовольство усвоил и дядя Гриша тоже. – А чудо – на каждом шагу! Чудо – вон в огороде: смотри, на одной сотке растет морковь, огурцы, помидоры… Ведь это все – деликатесы, а все – из земли. Ведь все из земли! Ты возьми ее в горсть да посмотри хорошенько – что там? Земля. А ты откуда? Из земли…

– Привет!

– Из земли, и в землю же обратишься. Сказано: ни один волос не упадет с головы… Ты думаешь, если ты – Гена Пройдисвет, то над тобой нет закона божьего? Есть.

– Погоди, ты что-то все в кучу: и землю, и закон… Ты объясни сперва: ну и что, что ты стал такой смирный, кроткий? Что ты хвалишься-то этим? Разве это хорошо?

– Вы есть жуки навозные, вы думаете: вот наша навозная куча – это и весь мир. Воюете, деретесь, злитесь… А не знаете того, что вы все… все люди – под наблюдением.

– Почему же я не знаю, что под наблюдением? У меня – семнадцать выговоров, у меня это наблюдение вот здесь сидит.

– Не про то наблюдение я говорю. Это – ваше наблюдение, вы сами и разбирайтесь. Я говорю про высшее наблюдение, которое…

– Знаешь что? – перебил Генка, глядя в глаза дяде Грише, словно он только что догадался, кто такой этот новообращенный, этот смиренный. – Знаешь, что я тебе скажу: ни хрена ты не верующий. Понял? Если б ты по-настоящему верил, ты бы молчал об этом. А ты, как сорока на колу, – в разные стороны: "Верю! Верю!" Не веришь, вот так.

Дядя Гриша кротко, смиренно посмеялся.

– Эх, Гена… Гена ты и есть. Дружок анчуткин. Жук навозный. Ты меня хочешь из равновесия вывесть, из покоя? Не выйдет.

– С чего это ты вдруг в бога-то поверил? Шестьдесят лет прожил – не верил, вдруг – на тебе…

– Пошел я, иду, – терпеливо сказал дядя Гриша. – Иду с богом. А ты колбаси дальше по дорогам – где-нибудь голову сломишь.

Вопрос этот – с чего дядя Гриша, нормальный мужик, вдруг уверовал в бога, – вопрос этот всерьез заинтересовал Генку, даже встревожил. Отец Генки, умелый печник, хвастун, неутомимый бабник в прошлом, так объяснил братнино обращение в веру:

– Мужик, он ведь как: достиг возраста – и смяк телом. А башка ишо ясная – какие-нибудь вопросы хочет решать. Вот и начинается: один на вино напирает – башку туманит, чтоб она ни в какие вопросы не тыкалась, другой… Миколай вон Алфимов, знаешь ведь его? – историю колхоза стал писать. Кто куда, лишь бы голова не пустовала. А Григорий наш, вишь, в бога ударился. Пускай, он никому вреда не приносит. С чего началось-то? А у нас же тут верующие-то есть, много. Старухи-то. Он стал к им похаживать от нечего делать, а те его сагитировали. Ты не досажай ему с этим, а то он сердится. Не надо. Они безобидные люди.

Жена дяди Гриши померла лет семь назад, а жил он со средней дочерью, тридцатилетней Анной. Анна, рослая, скуластая, добрая, любила играть на гармошке. Играла, а играть толком не умела – тянула туда-сюда, слушала и о чем-то думала. Анна так сказала:

– Не лезь, Генка, к отцу! Понял?

– Чего замуж-то не выходишь? – поинтересовался Генка.

– За кого?

– Нашла бы какого-нибудь…

– Какого-нибудь мне не надо, одна проживу.

– Это же ненормально…

– Ничего. Нормально.

– Похаживает кто-нибудь ночами? Да?

– Не твое дело.

– Какие ведь все уверенные, все-то они знают! – обозлился Генка. – Все понимают. А спросишь – ответить толком не умеют. Не знаете, так хоть не делайте вид, что знаете. Чего ради человек на седьмом десятке в религию кинулся? Это же не просто так. Значит, было какое-то потрясение душевное. Или – опять ложь. Притворство.

– Зачем ему притворяться-то?

– А вот это я узнаю, не я буду, если не узнаю.

– А ты чего такой нервный-то? А, Ген?.. – спросила добрая Нюра. – У тебя же все хорошо, ты говоришь. Ты – вольная птица, чего тебе?

Генка показал, что ему скучно разговаривать с Нюрой, ушел.

Но он не оставил мысли про дядю Гришу, нет. Мысль эта больше и больше занимала его. Он и правда чего-то нервничал. Он чуял какой-то подвох с этой верой дяди Гриши, и это не давало покоя. Память Генки держала вовсе другое про дядю Гришу: когда тот пришел с войны, то много пил, гулял, хвастался орденами… Играл на гармошке и пел про немцев похабные частушки. Вообще уж никак не монах он по склонности души, не монах. Монахи, насколько понимал Генка, жизнь не любят, а дядя Гриша валялся в ней, как сытый жеребец в спелом овсе. У него и теперь, у кроткого, кулак-то – гиря пудовая: звезданет, неделю хворать будешь. И что, правда, такой уверовал в бога? Разве так можно? Верующая душа, по мнению Генки, – это такая душа, которая обязательно живет в хилом теле, кроме того, человек верующий должен быть немного глуп. И жить просто и одиноко. А дядя Гриша еще и хитрый… Как же это совместить?

И вот один раз под вечерок Генка пошел к дяде Грише. Прихватил бутылку водки, гитару…

– Здорово, дядь Гриша!

– Здорово, – дядя Гриша прищурил наметанный глаз на оттопыренный карман Генкиных брюк, ничего не сказал.

– Зашел поговорить.

– Ладно.

– А Нюраха… в кино небось учесала? Вот дьявольская выдумка-то еще? А? Ты теперь не ходишь?

– Нет.

– А чего ты такой мрачный?

– А ты чего такой… развеселый?

– Настрой хороший. Давай выпьем.

Дядя Гриша внутренне подсобрался, шевельнул желваками, насмешливо посмотрел на Генку… А потом – как-то вовсе беспомощно – на календарик под часами в углу: с календарика беззаботно пялилась красная цифирка – воскресенье. Дядя Гриша искал защиты и спасения хоть где-нибудь, хоть в чем-нибудь. Искуситель Генка невольно улыбнулся.

– Давай. Сегодня можно. Ты не думай, дядь Гриша, я ведь не нахал… не подонок. Я религию уважаю, но… Где у вас тут стаканы-то?

– В шкапчике. Чего запнулся-то? Уважаешь, но?.. Договаривай.

– Сейчас, сейчас… – Генка добыл пару стаканов, поставил на стол. – Достань закусить чего-нибудь. Не будем торопиться, будем обстоятельно ковырять души. Достань солонинки.

Дядя Гриша поднялся, грузный, открыл крышку в подпол.

– Нырни, там в кадушке капуста и огурцы.

Генка взял из шкафчика тарелку, обтер ее полотенцем… Глянул весело на дядю Гришу и полез в подполье. Он заметил, что суетится и волнуется: это бывало с ним, когда предстояло петь свои песни или когда он хотел понравиться какой-нибудь бабе, что, впрочем, тоже обозначало – петь. Он даже усмехнулся там, в темноте, подумал: "Чего это я?" Генка положил в тарелку огурцов, капусты… Подал наверх дяде Грише. Выскочил, закрыл подпол, отряхнул брюки, опять весело и значительно глянул на дядю Гришу. Ему и впрямь было весело, и он правда волновался.

Налили по полстакашка.

– Я, когда был в институте, – вспомнил Генка и стал рассказывать, поглаживая стакан и улыбаясь, – мы после первого курса поехали на практику… не на практику, а так – подработать, жизнь повидать: в тайгу, с геологической партией.

– Ты чего институт-то бросил? – спросил дядя Гриша.

– Та-а… сложно это. Не сложно, а… Да ну ее к черту, в двух словах не скажешь, а долго объяснять – лень. Не показалось мне, что это ценность великая – диплом. А туда половина только из-за того и лезет – из-за диплома. Я посмотрел-посмотрел – и сделал жест: не хочу, все. Может, глупо,– Генка помолчал, заметно посерьезнел. Тряхнул волосатой головой. – А может, нет.

– Дурак.

– Может, дурак. Не сбивай меня с настроя. У меня какое-то сегодня… – Генка тоже глянул в угол на календарик. – Тоже сегодня какое-то красненькое настроение, – он засмеялся, погладил бороду. – Слушай. Шли по тайге, я как-то отбился в сторону от всех, отстал маленько, побежал догонять и оступился, ногу потянул. Не могу идти. Сел – сижу. Даже весело стало. Думаю: вернутся искать или нет? Шумихи же много про всякое это братство-товарищество. Вернутся, думаю, или нет? Посидел так с полчаса, слышу, вернулись – кричат. У меня ружье, мог выстрелить – услышали бы. Да и крикнуть, тоже услышали бы. Нет, сижу! – Генка сверкнул азартным глазом. – Бросят, думаю, искать или все же найдут? Вот же гадская натура! Вечно надо до края дойти, так уж понять чего-нибудь, где и понять-то… может, нельзя. Вот бросят, думаю, искать или будут искать? В общежитии же все вылупалисъ про таежную романтику, про… Ну-ка, фраера, – это же не песенку спеть под гитару это ж – человека найти! А уже солнышко садится, а до лагеря еще далеко-о. А? – Генка оскалился недобрым оскалом, уставился на дядю Гришу светлыми, немного безумными глазами. – Как вы насчет того, чтоб заночевать тут из-за одного дурака? Под открытым небушком, может, под дождем… А там, в зимовье, нары, одеяла, костер, спиртяга, две институтские обаяшки, которые прямо млеют от самодельных лыцарей, а? Вот задача-то? Ну-ка!..

– Нашли? – нетерпеливо и недовольно перебил дядя Гриша.

Генка, тоже недовольный, что сбили с подъема, неохотно досказал:

– Нашли. Хотели отметелить, но у меня ружье было – не получилось.

– Надо было… Чтобы зря не пугал людей.

– Да они не испугались! Это тоже пижонство: чтоб потом про них говорили, что они – мужики. Они молокососы. Все почти. Ну, давай.

Выпили, похрустели капустой.

– Не уважают тебя, Генка, – сказал дядя Гриша. Не то сказал, не то спросил, не то подумал. – Тебе ведь уж тридцать с лишним, пора это… к делу какому-то прирастать.

Генка взял гитару, попробовал что-то такое подобрать, раздумал, кинул ее на кровать, к подушкам, закурил. Настрой его, веселый и едкий, скособочился.

– Меня не уважают, да, – сказал он. – А что, обязательно, чтоб уважали? Ты из-за этого в бога поверил? – спросил. И сам ответил: – Из-за этого. Я тебя, кажется, понял. Между прочим, я бы тоже что-нибудь такое… придумал себе, но мне безразлично чужое мнение, вот моя слабина. Я в этом смысле какой-то нерусский, выродок какой-то. Но тебя я понимаю. Объясняю, что с тобой происходит: ты зачуял смерть и забеспокоился – тебе неохота просто так уходить, тебе надо, чтоб о тебе потом говорили: он же верующий был! Так?

– Дурак, – просто сказал дядя Гриша. Подумал и еще сказал: – Волосатик.

– Ты заметил, – оживился Генка, – что за то короткое время, пока мы беседуем, ты раз пять уже сказал слово "дурак"?

– Ты для чего пришел сюда?

– Понять, почему ты… Разоблачить тебя. Я не верю, что ты правда поверил в бога. Слушай, да кто же так в бога верит – повесил икону и заявил всем: я верующий! Ты что? Это же богохульство! Ты же ничего про бога не знаешь. Я больше тебя знаю…

– Сказал? – дядя Гриша угрожающе нагнул голову. – А теперь…

– Стоп! – воскликнул Генка. – Не надо. Не надо… Давай мирно беседовать, у нас же водки полно. Не надо наклонять голову, – Генка умоляюще прижал руки к груди. – Я не нарочно, я не… это… Я поторопился, не заинтриговал тебя своими познаниями про бога. Слушай!

Генка торопливо калил в стаканы. Дядя Гриша подозрительно следил за ним.

– Давай, дядя Гриша, духобор ты мой показушный. У нас с тобой близкие натуры, но у меня совсем нет честолюбия, хоть я и поэт. Мне тоже охота, понимаешь, знать что-нибудь такое, чтоб… Вот чтоб все бегали, суетились, кричали, боялись, а я бы посреди всех спокойно шел, никуда бы не торопился, не мельтешил, ничего бы не боялся, а только бы посмеивался. Но я не знаю, что такое надо знать? А? На бога меня не хватит. То есть это как-то неконкретно… Выпили! Счас решим.

Дядя Гриша, все еще не веря, что Генка не просто дурачится, опасливо отпил только половину налитого, чтоб потом, при худом исходе этой беседушки, не было разговоров, что они вместе сидели тут и пили водку.

– Ты хоть не в секте какой-нибудь? – спросил Генка, стараясь, чтоб тон его был как можно более дружелюбный. – А то по ошибке, может, затесался куда-нибудь… Нет? Христос же везде – Христос, бог, но по-разному понимают, как в него верить. Ты православной веры-то? Или ты не знаешь?

Дядя Гриша собрал на скатерти пальцы в кулак и потянул кулак к себе…

– Ишо, поганец такой, выговоришь эти слова, я тебя за столом прямо пристукну, – это было серьезно. Это было, пожалуй, страшно: лицо дяди Гриши, обветренное, посерело, и щетина на щеках стала совсем белой. – Твоими устами дерьмо жрать, а ты такие слова…

Генка испугался, но еще больше оскорбился, и злость тоже взяла. Он теперь отчетливо знал: правда его, а ложь, лохматая, бессовестная, поднялась и рычит. И вот – бывали мгновения, когда Генка с радостным изумлением убеждался, что плохо знает себя (он про себя думал, что безнадежно трусоват), – вот он, проглотив испуг, спокойно, смело посмотрел в глаза крайне обозленного человека. Посмотрел и крепко, и насмешливо сказал:

– Раб божий… да ты прямо как с цепи сорвался. Чего ты? Господь с тобой, батюшка, опомнись. Что я такого сказал? Сказал, что бывают случаи, когда баптисты, например, сбивают с толку… У них – тоже Христос, – и слова Генкины наливались покоем, силой. Он чувствовал, как он убедителен и правдив. И смелел больше, и пошел добирать всю правду, до дна. – Но ведь нет же ни баптизма, ни нормального христианства – это же ложь, у тебя-то. Ложь! Дядя Гриша, милый, ну зачем же ложь-то? Ведь ты же мужик, крестьянин, труженик, ну зачем же ложь-то? – Генка почувствовал, что к глазам его подступают слезы. Но это не остановило его, а даже как-то придало силы и совсем расковало на желанную, злую правду, на святую правду, на большую правду. Даже дядя Гриша оторопел и слушал. Редкостное вырывалось из груди Генкиной – нечто дорогое, свободное, наболевшее. – Как же жить-то, люди?! – Генка скривился, заплакал… Но он не злился на слезы, они только мешали ему, он их торопливо смахивал ладошкой. – Как же нам жить-то?! Когда – раз, и соврал, ничего не стоит! А? – Генка встал, потому что сидеть стало тесно, душно. – Ты меня упрекаешь… все упрекают: зачем институт бросил? Не хочу врать! Раз я не чувствую, что мне это позарез нужно, что же я буду притворяться-то? Мне без диплома тоже интересно жить. Но почему же… Эх! Взял, выдумал: верю. В кого?! За-че-ем? Всю жизнь под конец опозорил враньем… Да зачем тебе это надо-то? Убей, не пойму: зачем? И почему… Да взял вон топор в руки – и под Быстрянский мост: грабить. Лучше ведь. Безгрешнее. Ты в бога поверил, говоришь… А что ты с ним сделал! В горшок его глиняный превратил – щей сварить. Ни себя не пощадил, ни… Вот сидишь, хлопаешь глазами – как про тебя думать? Как про всех про нас думать? Врать умеем. Легко умеем врать. Я же уважать тебя не могу, понимаешь? Ува-жать. Не могу – с души воротит. А вся твоя жизнь достойна уважения, а… Тьфу! Да кого же мне тогда уважать-то?! – Генка устал. Обессилел. Сел. – Взять и под занавес все испортить. "Мы – под наблюдением", "каждый наш поступок…" Ведь ты же совсем не думаешь про это про все, ты же чужие слова молотишь. Я же думал, ты не способен на ложь – вообще, зачем это мужику? Мало на

свете притворных людей? Куда же мне теперь идти прикажете? К кому? Бесстыдники, вот так и даете пример… Ведь так же все рухнуть может! Все – в подпол вон, одна капуста и останется. На закусь. Выпьем, раб божий, – Генка налил в стаканы, качнул устало головой. – И ведь нашел же в душе такую способность! Наше-ол. Все думают, ее там нет, а она есть. Раз – и вот она: хоть стой, хоть падай.

Генка поднес стакан ко рту, и вмиг он у него вырвался из рук. Он даже сперва не понял – что это? Стакан рванулся и полетел вверх…

– Хватит лакать, – сказал дядя Гриша сдавленным злым голосом. – Распился тут.

Генка хотел встать, но дядя Гриша загреб ногой его стул, и Генка упал. И тотчас на него упал дядя Гриша, захватил его волосы и стал стукать головой об пол.

– Вот так ее… – приговаривал он. – Умную-то головушку. Вот так, вот так…

Генка упруго изогнулся под дядиной тушей, подпустил ему под брюхо ноги и двинул что было силы. Дядя взмахнул руками и грянулся затылком об стол. Стол упал, со стола с веселым разговором полетели стаканы, бутылка, тарелка… Генка понимал, что упускать инициативу нельзя, иначе массивный дядя подомнет его и расколотит всю голову. Он, впрочем, не очень и думал. Азарт схватки враз опалил его, подчинил своим законам: он действовал, как всякий нормальный боец, – вроде не соображая, но очень рассудочно и точно. Раза два угодил дяде кулаком в лоб, чтоб тот не сумел подняться, а когда дядя все же набычился и начал вставать, Генка ногой опять свалил его. Злости не было, было сознание опасности, что дядя Гриша поднимется и сгоряча схватит что-нибудь в руки, какой-нибудь предмет. И ломанет. Поэтому никак нельзя было дать ему подняться.

Так они напрягались: один хотел встать, другой не давал.

…Когда пришла Нюра, бой был в разгаре, и на полу валялось все, что могло упасть… А посередке молча возились дядя с племянником. Рубахи у обоих изодраны, кровь видна… Нюра насилу отодрала их друг от друга. Генке залепила пару оплеух, оттолкнула в угол, отца усадила на кровать.

– Поганец, – тяжело дыша, сказал дядя Гриша, вытирая драным рукавом рубахи кровь с губы. – Будет тут… слова разные потреблять… Разинул рот-то. Шшенок.

– Горько, горько, – говорил Генка, сплевывая сукровицу. – Ах, как горько!.. Речь идет о Руси! А этот… деляга, притворяться пошел. Фраер. Душу пошел насиловать… уважения захотел… Врать начал! Если я паясничаю на дорогах, – Генка постучал себе с силой в грудь, сверкнул мокрыми глазами, – то я знаю, что за мной – Русь: я не пропаду, я еще буду человеком. Мне есть к кому прийти! – Генка закричал, как на базаре, как на жадную, бессовестную торговку закричал, когда вокруг уже собрались люди и уже все равно и не стыдно кричать. – Мы же так опрокинемся!..

– Я те опрокинусь, – гудел негромко, с дрожью в голосе дядя Гриша, все вытирая окровавленный рот. – Я тя самого опрокину – башкой лохматой в помойное ведро вон. Шшенок.

Нюра налила в рукомойник воды, подвела сперва отца, вымыла ему лицо, приговаривая в том духе, что – бесстыдники, как дети малые, честное слово… Сцепи-и-лись. Чего не поделили?

– Россию! – высокопарно заявил Генка.

– Я вот те счас покажу Россию! – повысила голос и Нюра. – Трепач… На старика-то – с кулаками? Э-зх! А говоришь, книжки умные читаешь. Где же это написано, чтоб… Я вот не погляжу счас, что я баба, надаю по загривку-то, будешь знать.

– От тебя приму. Ты духовно чистый человек… Ты не врешь.

– А я што тебе?! – пошел дядя Гриша к Генке с мокрым лицом, но Нюра легко развернула его и сунула опять под рукомойник.

Потом дядя Гриша вытирался, а Генка мылся до пояса над шайкой, Нюра поливала ему из ковша. Потом она дала им свежие рубахи из сундука и из сундука же достала бутылку перцовки.

– От простуды берегла… но уж нате. И не коситесь друг на друга. Вот же глупые-то! Сказать кому, не поверят. Сцепились. Ты, Геночка, не зачитался случаем? Шибко уж языкастый да кулакастый стал. Смотри, а то, бывает, до дури зачитываются – с ума сходят. Давайте, и я с вами пригублю маленько. Миритесь.

Выпили втроем огневой славной перцовки… Посидели молча. Отошли.

– Спеть? – спросил Генка.

– Спой, – согласилась Нюра. – Только понятную какую-нибудь. А то у вас нынче не поймешь ни черта. Что за люди пошли! Живут непонятно, поют – и то непонятно.

– Сказано, – заговорил дядя Гриша, но заговорил как-то сипло, тонко. Прокашлялся. – Сказано: придет владыка мира… Сперва их четверо придут, потом один троих подомнет под себя и станет единовластно владычить. Это и будет – антихрист шестьсот шестьдесят шесть, три шестерки. И будет он владычить три с половиной года, но законы его будут действовать только три года. Но перед тем как он придет, он разошлет по свету своих агентов: они все тут перепутают. Вот Геночка наш преподобный и есть тот самый агент.

Генка начал было слушать про антихриста 666, но бросил и склонился к гитаре.

– Бледно, – сказал он. – Могли бы поярче что-нибудь выдумать. А потому бледно, что нет истинной веры. Поэтому и примитив такой. Итак, понятную! – объявил он. И запел:

То, ох, не ве-етер ветку кло-онит,
Не, ох, не дубра-авушка-а шуми-ит…
Бросил, задумался, посасывая разбитую губу.

– Чего ж бросил-то? Хорошо ведь начал, – сказала Нюра.

– А возможно, что это не притворство у вас, – заговорил Генка из своих дум. И посмотрел на дядю Гришу. – Возможно, что тут налицо элементарная самодеятельность, – он долго и участливо смотрел на дядю. Тот тоже глянул на него и обиженно отвернулся, поморщился даже от Генкиного словоблудия.

– Пой-ка лучше, правда.

Но Генка петь больше не стал, сидел, облокотившись на гитару, смотрел в окно.

– Корова-то!.. Матушка ты моя, давно уже ворота под-деет, стоит! – спохватилась Нюра, увидев корову у ворот. И побежала впустить ее.

Генка и дядя Гриша безучастно следили, как она пробежала по двору, открыла ворота и впустила большую комолую корову. И шла с ней по двору, и что-то ей говорила.

– Корова, – задумчиво сказал Генка. Непонятно, к чему он это сказал.

Дядя Гриша все смотрел, как Нюра сняла с колышка выжаренный знойным июльским солнышком подойник, ловким коротким движением подобрала край юбки у сгиба колен сзади, села доить. В дно подойника звонко ударили первые, невидимые отсюда струйки молока. И Генка мысленно, как въявь, увидел, как бьют в дно теплые стремительные стрелки, как пузырится на дне, а новые струйки попадают в пузырьки, они лопаются, и белые капельки-брызги летят невысоко и обильно и стекают по бокам ведра тонюсенькими ручейками. И скоро там все вспенится, и струйки уже не будут звенеть, а будут втыкаться в белую шапку с мягким, ласковым, сдобным каким-то звуком. Сильная Нюра чуть покачивалась сидя – вправо-влево, вправо-влево – в такт, как двигались руки, и под белой кофточкой с цветочками шевелились ее широкие лопатки.

– Корова… – еще раз в раздумье сказал Генка. – Этой ночью напишу стихи. Если не затуманю голову. Давай по маленькой?

– Хватит, – сказал дядя Гриша. – Не хочу больше.

– Ну и я не буду, – решил Генка и отодвинул перцовку подальше от себя. – Лучше стихи напишу. Про корову.

***

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://shukshinvasiliy.ru/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография
http://dostoevskiyfyodor.ru/
сайт http://petimer.com/ Приятного чтения!